

О. Н. Боровская

**СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ
ПЕРЕГОВОРЫ
1918 – 1921 гг.
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РЕШЕНИЕ
БЕЛОРУССКОГО ВОПРОСА**

Ольга Боровская

**Советско-польские переговоры
1918–1921 гг. и их влияние на
решение белорусского вопроса**

«Алисторус»

2018

УДК [94(476)+327(438^47+57)(091)]"1918/1921"

Боровская О. Н.

Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса / О. Н. Боровская — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-39-5

В монографии проведено системное исследование истории советско-польских переговоров 1918–1921 гг., выделен отдельно белорусский вопрос. Определена периодизация переговорного процесса, выделены неофициальная и официальная части советско-польских переговоров. Изучены позиции советского и польского правительств в отношении к белорусским землям, определено влияние стран Антанты и США на переговорный процесс. Подробно рассмотрен вопрос формирования белорусского участка советско-польской границы и процесса ректификации. Рассчитана на историков, преподавателей истории, студентов для углубленного изучения отечественной истории в высших учебных заведениях.

УДК [94(476)+327(438^47+57)(091)]"1918/1921"

ISBN 978-5-907028-39-5

© Боровская О. Н., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Список сокращений и аббревиатур	6
Введение	8
Глава 1	9
1.1. Историография проблемы	9
1.2. Источники исследования	17
Глава 2	20
2.1. Политика советской и польской сторон в отношении белорусских земель на начальном этапе советско-польских переговоров (ноябрь 1918 г. – май 1919 г.)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Боровская
Советско-польские переговоры
1918–1921 гг. и их влияние на
решение белорусского вопроса

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ «СОЮЗНАЯ ИНИЦИАТИВА ПАМЯТИ И СОГЛАСИЯ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

ФОНД СОДЕЙСТВИЯ АКТУАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор *А. М. Литвин*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. Е. Снапковский*

кандидат исторических наук *К. С. Разуванова*

Список сокращений и аббревиатур

- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
АРАН – Архив Российской академии наук в г. Москва
БАН Литвы – Библиотека Академии наук Литвы
БГАМЛИ – Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства
БКО – Белорусская коммунистическая организация
БНР – Белорусская Народная Республика
БПС-Р – Белорусская партия социалистов-революционеров
БССР (ССРБ) – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВП – Войско Польское
ВРК БССР – Военно-революционный комитет Белорусской Советской Социалистической Республики
ГАГО – Государственный архив Гродненской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАМО – Государственный архив Минской области США – Соединенные Штаты Америки
КП (б) Б – Коммунистическая партия большевиков Беларуси
КП(б) ЛиБ – Коммунистическая партия большевиков Литвы и Беларуси
Лит-Бел ССР – Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика
ЛССР – Литовская Советская Социалистическая Республика
ЛЦГА – Литовский центральный государственный архив
МИД – Министерство иностранных дел
НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь
НДА – Народная добровольческая армия
НДП – Народная демократическая партия
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
ПРУВСК – Польско-российско-украинская военная согласительная комиссия
РВС – Революционно-военный совет
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
СОГ – Совет обороны государства
СНК – Совет народных комиссаров
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ЦИК КРИП – Центральный исполнительный комитет Коммунистической рабочей партии Польши
ЦК РКП(б) – Центральный комитет Российской коммунистической партии большевиков
ЦРК ППС – Центральный рабочий комитет Польской социалистической партии
AAN – Archiwum Akt Nowych (Архив новых документов)
APAN – Polska Akademia Nauk. Archiwum w Warszawie (Польская академия наук. Архив в Варшаве)
BN DSDiR – Biblioteka Narodowa. Dzial starych drukow i r[^]kopisow (Национальная библиотека. Отдел старопечатных и редких изданий)
BPW – Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy (Публичная библиотека в Варшаве)
DSDiR – Dzial starych drukow i r[^]kopisow (Отдел старопечатных и редких изданий)

PPS (ППС) – Польская социалистическая партия

PSL – “Piast” (ПСЛ – “Пяст”) – Польская крестьянская партия «Пяст»

Введение

Одним из итогов Первой мировой войны стало формирование Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Развал старых многонациональных империй и создание новых государственных образований, которые были близки в территориальном плане, но по идейным соображениям находились на диаметрально противоположных позициях – социалистических (Советская Россия) и буржуазно-демократических (Польша) – стали основными причинами формирования новой геополитической ситуации в регионе. Выбор разных систем идейно-политического существования, многовековое польско-русское геополитическое противостояние за контроль над восточноевропейским регионом привели к возникновению конфликтной ситуации, к началу польско-советской войны 1919–1920 гг., но одновременно повысили интерес к белорусскому вопросу. Региональные геополитические изменения стали причиной активизации белорусского национального движения, возникновения самостоятельных государственно-политических образований. По причине того, что белорусский народ не смог укрепиться в качестве субъекта международных отношений, судьба его территории, будущего государственного устройства в значительной мере зависели от позиции более сильных соседей, стран Антанты и США. Дефиниция *белорусский вопрос* включает в себя комплекс государственно образующих, территориальных, национальных, социально-экономических, культурных проблем, связанных с судьбой, становлением государственности и целостности белорусских земель, который выступал в качестве элемента проблемного поля международных отношений.

В рядах как советского, так и польского руководства не исключали возможности использования дипломатических средств. Начиная с ноября 1918 г., внешнеполитические ведомства обеих сторон делали попытки мирным путем решать вопросы территориального разграничения, экономических претензий, военнопленных, оптации населения, что положило начало переговорному процессу 1918–1921 гг. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. – один из методов альтернативного урегулирования (в сравнении с военными способами) спорных ситуаций между РСФСР и Польшей. Коммуникация между сторонами происходила путем прямых переговоров-встреч (в Беловеже, Микошевичах, Минске, Риге) или опосредованным способом – через направление разного вида документов дипломатической переписки (личные и вербальные ноты, меморандумы, обращения). Несмотря на ряд работ, в которых затрагиваются отдельные аспекты советско-польских переговоров, до настоящего времени не было проведено комплексное научное исследование, не была представлена целостная картина событий. Тем более не были выявлены факторы, которые оказали влияние на ход советско-польских переговоров и на принятие того знакового решения о передаче западной части этнично белорусской территории в состав Польского государства. Заключенный в марте 1921 г. Рижский мирный договор разделил белорусские земли на две крупные единицы, которые продолжительное время находились в составе отдельных государств с разными системами идейно-политического существования. Являлся ли раздел территории Беларуси единственным возможным вариантом развития событий? Существовала ли, хотя бы в минимальном объеме, возможность сохранения целостности и единства?

Эти и другие вопросы наиболее часто задаются как специалистами по проблеме, так и просто любителями истории. Однако нельзя забывать, что Рижский мирный договор был средством пацификации восточноевропейского региона, финальной точкой военных действий, которые опустошали белорусские земли в течение почти восьми лет. Договор способствовал переходу к мирному строительству и развитию. Согласно этому дипломатическому документу произошло официальное признание в качестве самостоятельных субъектов международного права БССР и УССР.

Глава 1

Историография, источники

1.1. Историография проблемы

Судьбоносные итоги Рижского мирного договора для белорусских земель предопределили особую актуальность советско-польских переговоров 1918–1921 гг., вызывали повышенный интерес отечественной и польской общественности. Первые публикации о событиях польско-советской войны и данные о переговорах начали появляться задолго до окончания военных действий и заключения мирного договора. Непосредственные участники или современники на страницах отдельных изданий, периодических изданий, в рамках интервью журналистам, в публицистическо-полемиическом ключе говорят о причинах конфликта между сторонами, отвечают на вопросы, которые волновали советскую и польскую общественно-политическую мысль.

Так, еще до начала Минской мирной конференции (август-сентябрь 1920 г.) начали выходить из печати небольшие по объему брошюры или статьи непосредственных участников или современников отмеченных событий: А. А. Иоффе [97], Г. В. Чичерина [284–286], К. Б. Радека [226; 227], Ю. Ю. Мархлевского [181–183; 398; 399], Д. З. Мануильского [179], В. Г. Кнорина [112–115], А. Г. Червякова [281–282]. Они стремились объяснить свое собственное поведение и советского государственного управления, определить причины, которые подтолкнули обе стороны решать спорные моменты военным путем. В этих работах делалась попытка рассмотрения ряда альтернатив государственно-политического устройства восточноевропейского региона, показать возможные варианты территориального разграничения между враждующими сторонами [95]. Советские участники переговорного процесса демонстрируют зависимость польской внешнеполитической линии от решений Парижской мирной конференции и междусоюзнических совещаний стран Антанты и США [98; 183]. В работах отмеченных авторов впервые происходит осмысление советско-польских переговоров и их роли во внешней политике РСФСР [284; 286].

В отличие от советской стороны, члены польских мирных делегаций, активные участники польской общественно-политической жизни, международных отношений (Я. Домбский [337], В. Грабский [362], С. Грабский [360]) неохотно помещают на страницах периодических изданий свои интерпретации событий. Только через два года, в 1923 г., после подписания окончательного мирного договора, С. Грабский попытался изложить свою позицию по вопросу территориального разграничения, оправдаться перед той частью польской общественности, которая обвиняла его в чрезмерной уступчивости в территориальном вопросе, подчеркнуть негативные черты политической линии Ю. Пилсудского. В 1936 г. он дает свое согласие на публикацию подробного интервью в публицистическом издании “Bunt Młodych” [422]. В нем характеризуются основные моменты Рижских мирных переговоров, раскрывается сущность внутреннего голосования в рядах польской делегации по отношению линии разграничения. Автор раскрывает подробно истинные причины, которые подтолкнули его и польскую мирную делегацию передать права на решение белорусского вопроса советской стороне. С. Грабский считал, что присоединение Минска и окрugsи к Польше станет настоящей национальной катастрофой, приведет к перевесу непольского населения, а значит, будет мешать созданию сильного Польского государства.

В связи с десятой годовщиной подписания Рижского мирного договора вышла работа главы польской мирной делегации на переговорах в Минске и Риге Я. Домбского [337].

Несмотря на попытку показать и искусственно преувеличить свою роль во время заключения мирного договора, автор подчеркивает свою зависимость от решений и инструкций Министерства иностранных дел и лично Я. Сапеги. При этом, Я. Домбский политическое давление министра иностранных дел Польши на делегацию объясняет нежеланием брать на себя какую-нибудь ответственность за подписанный мирный договор. Автор отмечает нервную обстановку и неуверенность при заключении перемирия в рядах российско-украинской делегации. Он акцентирует внимание на чрезмерную уступчивость председателя российско-украинской делегации и его заинтересованность в заключении мирного договора и остановке военных действий на Западном фронте.

К проблемам советско-польских переговоров 1918–1921 гг. обращается и секретарь польской делегации А. Ладось. В рамках небольшой статьи в эмиграционном издании “*Niepodleglosc*” [387], автор показывает внутреннюю поляризацию польской делегации, случаи столкновений сторонников федералистической и инкорпорационистской концепций. Однако, к сожалению, А. Ладось как непосредственный участник неофициальных встреч совсем не обращает внимания на белорусский вопрос, даже и словом не упоминает про наличие «тайной» дипломатии на рижских советско-польских переговорах.

Исходя из специфики изученной историографии по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг., автор считает целесообразным выделить следующие этапы: 1) 1919 г. – начало 1940-х гг.; 2) середина 1940-х – конец 1980-х гг.; 3) современный период (с конца 1980-х гг. и до настоящего момента).

В советской исторической науке 1919 – начала 1940-х гг. польско-советский конфликт характеризуется как спланированный процесс интервенции, в котором принимали участие страны Антанты, США, Польша. Основное внимание исследователи названного периода (В. К. Щербаков [292], А. Н. Зимионко [89], И. Ф. Лочмель [173–175], С. Н. Исаченко [99], А. И. Зюзьков [93]) обращают на проблематику организации и борьбы местного населения против захватчиков, часто сравнивая немецкую и польскую оккупации (А. Н. Зимионко), показывая их негативное влияние на экономическое развитие белорусских земель. Изучение переговорного процесса почти не проводилось, авторы ограничивались исключительно общими оценками Рижского мирного договора (знаковое событие, которое «открыло новую страницу в отношениях буржуазно-демократической Польши и Советской России») [89]. Началом советско-польских переговоров считается август 1920 г. Авторы ничего не говорят о встречах в Беловеже и Микошевичах, о попытках нормализации отношений в Борисове.

Знаковой работой этого периода является статья непосредственного участника советско-польских переговоров в Риге – историка В. И. Пичеты [221]. Автор впервые представляет реферат пленарных заседаний Рижской конференции (24 и 27 сентября 1920 г.), показывает деятельность рабочих комиссий польско-российско-украинской конференции (главной, финансово-экономической). В.И. Пичета, несмотря на то, что основным объектом изучения данной статьи стали советско-польские отношения 1918–1921 гг., обращается и к военным аспектам, стремится выявить причины конфликта между сторонами. При этом, инициативу в «разжигании вражды и создании напряженных отношений» автор возлагает на плечи польской стороны, которая в ответ на «миролюбивую политику Советской России» отвечала «воинственными акциями» [221, с. 142]. Основной причиной, что подтолкнула польские правительственные круги к заключению перемирия с Советской Россией, по мнению В. И. Пичеты, были экономические сложности, которые имела Польша в конце 1920 г. – начале 1921 г. Он утверждает, что советское правительство при решении территориального вопроса, принимало во внимание «этнографический принцип и заявление советского руководства пойти на территориальные уступки», учитывали условия советско-литовского договора 12 июля 1920 г. [221, с. 141–142]. Однако, по причине «большого желания мира» советское руководство вынуждено

было отказаться от этих намерений и согласиться на условия, которые были предложены польской делегацией.

В период 1919 – начала 1940-х гг. в польской историографии появляются первые научные работы, посвященные изучению не только самой польско-советской войны, а в первую очередь ее итогов: судьбе Западной Беларуси и Западной Украины в составе Польши. Польский вариант интерпретации польско-советской войны 1919–1920 гг. и переговорного процесса стремится показать военный конфликт как превентивную меру против продвижения войск Красной Армии, которая создавала таким образом опасность для «польских земель», как действия против распространения коммунистической пропаганды (А. Скшиньский [429]), как итог неопределенности восточных границ Польши в рамках Парижской мирной конференции (А. Скшиньский, С. Козицкий [387], Н. Рэй [424]), как способ демонстрации Польши в качестве защитника прав национальностей на самоопределение (Л. Василевский [446; 447], Т. Кутшеба [385]). Однако переговорный процесс не показан исследователями с достаточной ясностью, замечается попытка спрятать, избежать конкретизации этапов советско-польских переговоров.

Начиная с 1930-х гг. в польской историографии появляются работы, где впервые обращается внимание на неофициальные переговоры в Беловеже и Микошевичах. В рамках исследований Т. Кутшебы [386] и А. Крижановского [379] впервые вводятся в научное употребление воспоминания непосредственных участников переговоров (И. Бернера) или современников (Л. Фишера). Поднимается проблематика сотрудничества польского руководства с «белыми» российскими кругами, раскрываются причины срыва переговоров между Ю. Пилсудским, А. И. Деникиным и А. В. Колчаком (М. Здоховский [456]). В 1930 г. выходит работа члена Польской социалистической партии З. Зарембы (А. Чарского) [454]. На первый план выступает желание автора доказать вредность для польского общества военной акции 1920 г. («война для реализации мечтаний по реституции исторических границ Польши») [454, s. 57]. З. Заремба стремится доказать, что представители ППС выступали за скорейшее заключение мира с Советской Россией. Несмотря на некоторую политизированность, в работе впервые сделана попытка дать научную оценку мирным советско-польским переговорам. З. Заремба, рассматривая борисовский этап, характеризует его как «трагифарс», стремится показать, что мирные условия этого периода были более выгодными для польской стороны, чем предложенные на барановичско-минском или рижском этапах.

Деятели белорусского национального движения И. Я. Воронко [52; 57], А. И. Луцкевич [177], К. С. Дуж-Душевский [85], М. М. Кравцов [122], П. А. Кречевский [129; 130], А. И. Цви́кевич [270; 271], К. Б. Езовитов [86] в рамках статей, небольших брошюр мемуарного характера пробуют дать свою критическую оценку советско-польским переговорам и Рижскому мирному договору как отдельному объекту исследования. К сожалению, из-за недостатка информации о начальных стадиях переговорного процесса эти авторы сосредотачивают свое внимание исключительно на Рижской мирной конференции. В начале 1921 г. в издательстве «Освобождение» выходит статья «Беларусь и Рижский мир» К. С. Дуж-Душевского [85]. Автор на основе статистических данных переписи 1897 г. подчеркивает незаконность и необоснованность претензий Советской России и Польши на белорусские земли, объявляет сфальсифицированными переписи местного населения, которые проводились польскими властями во время польско-советской войны 1919–1920 гг. В основном, выводы работы К. С. Дуж-Душевского созвучны с тезисами меморандумов и обращений Рады Народных Министров БНР периода 1920–1921 гг.

В советской историографии середины 1940-х – конца 1980-х гг. в той или иной степени вопросы исследуемой нами проблемы освещаются в работах Н. В. Каменской [105–108], Е. Н. Шкляр [288], Н. Ф. Кузьмина [133; 134], П. Н. Ольшанского [216], А. В. Березкина [44], А. П. Грицкевича [64]. Так, в работе Н. В. Каменской [101] дается косвенное освещение процесса советско-польских переговоров, цитируется нотная переписка без раскрытия истинных

причин направления того или иного послания. По мнению автора, польское руководство игнорировало мирные предложения Советской России, которые поступали в декабре 1919 г. – марте 1920 г., осуществляло подготовку к новому наступлению на Юго-Западном фронте [105, с. 163–164]. Благодаря усилиям Н. В. Каменской впервые вводятся в научное употребление данные о деятельности Центральной рады Виленщины и Гродненщины, Белорусского национального комитета в Вильно, Белорусской военной комиссии.

Первая и единственная попытка в рамках советской историографии дать целостную картину советско-польских отношений 1918–1921 гг., кульминационным моментом которых стало заключение мирного договора в Риге, была сделана П. Н. Ольшанским [216]. Автор несколько дистанцирует польскую сторону от лагеря стран Антанты, показывает противоречия, которые возникали между Великобританией, Францией и Польшей, русским «белым» лагерем и Польским государством. При этом не анализируется влияние стран Антанты, особенно Великобритании, которая настаивала на разрывании мирных переговоров с Советской Россией. Автор утверждает, что во время советско-польских переговоров в Минске российско-украинская делегация владела и специально выданными полномочиями от БССР [216, с. 99], хотя ВРК республики на момент с 17 августа до 2 сентября 1920 г. никаких мандатов на ведение переговоров от своего имени никому не передавал. Впервые в советской историографии поэтапно, день за днем, на основе протоколов заседаний показана работа польско-российско-украинской мирной конференции. Ответственность за задержку во время подписания текста Прелиминарного мирного договора автор возлагает на польскую сторону, которая маневрировала и затягивала переговоры в связи с критическим положением П.Н. Врангеля и сильным давлением по этой причине со стороны Франции [216, с. 147].

В период с середины 1940-х до конца 1980-х гг. в польской историографии появляются исследования Ю. Серадского [428], В. Гостынской [357–359], П. Вандыча [440; 441], А. Юзвенко [366], Т. Яндрушчека [364], А. Скшипика [430], Р. Вапинского [442; 443], Ю. Куманецкого [382–384], А. Гарлицкого [349–350], Ю. Кукулко [380; 381]. Вместо военного аспекта проблемы начинается критический анализ основных направлений польской общественно-политической мысли, которые проявились при решении вопроса об определенных формах и методах осуществления Польским государством своей восточной политики. Польские исследователи 1940-х-1980-х гг. абсолютизируют идею польского федерализма, именно в ней видят причину выбора военных средств решения споров. Не оправдывая агрессивных действий польского руководства, авторы стремятся выделить и подчеркнуть мессианскую роль Польши, «прометеизм» польских правительственных кругов по отношению к национальным образованиям. Одновременно выделяется направление (А. Деруга [338]), которое достаточно критически подходит к интерпретациям польских политических концепций как федералистической так и инкорпорационистской, объясняя действия Польши как пример совпадения желаний польского руководства и местных польских сил, объединенных вокруг Комитета защиты кресов, как форму противостояния распространению идей коммунизма.

В этот период проблематика советско-польских переговоров становится приоритетной, периоды мирного сосуществования и поиска компромиссных путей начинают основательно изучаться исследователями, впервые вводится в научное употребление значительное количество источников по проблеме. Именно в исследовании Ю. Серадского [428] впервые обращается внимание на политический аспект встреч в Беловеже и Микошевичах, публикуется частично «Диариуш» М. С. Коссаковского. А. Юзвенко [366] осуществил публикацию писем Л. Василевского к Ю. Пилсудскому периода Рижских переговоров. Под руководством В. Гостынской [438] была осуществлена публикация группы источников по проблеме неофициальных советско-польских переговоров (июнь-декабрь 1919 г.), автор квалифицирует отмеченные встречи как «тайные», тем самым, подчеркивая их неофициальный, секретный характер. Ю. Куманецкий [383] проводит структурный анализ советско-польских переговоров в Риге на

основе использования польскоязычных исследований, в первую очередь воспоминаний непосредственных участников мирной конференции. Автором впервые в польской историографии, за исключением автобиографической работы Я. Домбского, дается описание неофициальных встреч руководителей делегаций как неотъемлемой части мирной конференции.

Эмигрантская польская историография в рамках исследований по истории Польши 1917–1939 гг. (В. Побуг-Малиновский [420], С. Мацкевич [397]) обращает внимание на переговорный процесс. В монографии В. Побуг-Малиновского советско-польские переговоры 1918–1921 гг., мирные предложения Советской России выступают как проявление внутренней слабости государства и как попытка улучшить свое военно-оперативное положение. По мнению автора, Советская Россия стремилась использовать планируемые борисовские переговоры исключительно как форму подготовки к весенней кампании [420, s. 248]. В. Енджиевич [365], основатель исследовательского Института Ю. Пилсудского в Нью-Йорке, один из участников рижских советско-польских встреч в качестве военного эксперта, также пробовал переложить всю вину ответственности за начало военных действий на советскую сторону, «войска которой уже в начале 1919 г. заняли восточные польские земли» [365, s. 48], что фактически заставило польскую сторону проводить превентивные меры. Советское руководство, используя так называемую «тактику ожидания» [365, s. 48–49], активно демонстрировало миролюбивые настроения к Польше (ноты 22 декабря 1919 г. и 28 января 1920 г.).

В 1952 г. в Лондоне появилась работа сотрудника Министерства иностранных дел Польши Т. Комарницкого [371], в которой оцениваются взаимоотношения Польского государства и европейских стран (Великобритании и Франции). Автор подчеркивает непоследовательный, переменчивый характер политической линии Великобритании и Франции по вопросу польско-советского конфликта. По мнению Т. Комарницкого, общая политическая линия англо-французского блока по решению вопроса восточных границ Польши и польско-советского столкновения исходила из общей политической ситуации на территории России.

В белорусской эмигрантской историографии обращение к теме советско-польских переговоров происходит в начале 1960-х гг. в статьях Н. А. Волатич (В. Панцевич) [56], работах А. Т. Калубовича [103], И. А. Найдюка и И. Я. Косяка [192], написанных на основе работ А. И. Луцкевича, К. С. Дуж-Душевского и других национальных деятелей, и в своих оценках повторяют их. Белорусские эмигранты были оторваны от архивных материалов, не имели доступа к другим документальным источникам и в своих работах, в лучшем случае, ссылались на публикации бывших лидеров белорусского национального движения и газетные материалы, которые были далекими от объективности.

Современная белорусская историография, которая хронологически ограничена периодом с конца 1980-х гг. и до начала XXI ст., представлена исследованиями П. И. Бригадина и В. Ф. Ладысева [51; 146], Р. П. Платонова и Н. С. Сташкевича [222, 223], А. В. Тихомирова [260–263; 273–280], Г. Г. Лазько [147–156], В. Ф. Ладысева [138–146], Л. А. Ковалевой [101; 116; 117], Т. Я. Павловой [217–219], С. Н. Хомича [266–268], А. П. Грицкевича [65; 66], В. Е. Снапковского [88; 246–251; 431], Н. С. Сташкевича [255–258], Н. Н. Мезги [40; 190; 191], И. Р. Кулевич [135; 136], А. Н. Дубровки [40; 83, 84], С. И. Багалея [34], В. А. Вернигорова [53], М. И. Иванова [94], Л. Р. Козлова [102; 272], М. Ф. Шумейки [290–291] и других.

В рамках современной белорусской историографии советско-польские переговоры 1918–1921 гг. предстают, в сравнении с предыдущими периодами историографии, в более широком объеме. Исследователи проблемы основное внимание обращают на осмотр особенностей переговорного процесса на барановичско-минском и рижских этапах. Это не позволяет создать целостную картину, тем более показать эволюцию и вариативность форм решения белорусского вопроса. Белорусскими историками по различным аспектам проблемы подготовлены и изданы монографии, опубликованы десятки научных статей в журналах и научных сборни-

ках, материалах научно-теоретических и научно-практических конференций [1; 59; 67; 131; 215; 229; 239; 264; 293]. Подготовлены диссертационные исследования, в рамках которых косвенным образом затрагивается проблематика советско-польских взаимоотношений (Т. Я. Павлова [217], Л. А. Ковалева [116]), процесс формирования территориального пространства (С. Н. Хомич [266]). Достижения в изучении названной проблематики нашли своё отображение в многочисленных статьях, размещенных в шеститомной «Энциклопедии истории Беларуси» [35], а также в рамках многотомных коллективных работ [60; 61; 62].

Благодаря усилиям В. А. Круталевича [124–128], Н. С. Сташкевича и Р. П. Платонова [222], И. И. Ковкеля [120], происходит освещение различных этапов советско-польских переговоров через призму становления белорусской государственности. Переговорный процесс 1918–1921 гг. оценивается с точки зрения влияющего фактора на создание белорусской советской государственности. Рижский мирный договор воспринимается авторами не только как некий компромисс между враждующими сторонами, но и как факт официального признания белорусской советской государственности, как причина раздела белорусских земель на несколько частей. Р. П. Платонов и Н. С. Сташкевич противопоставляют две формы белорусской государственности (БНР и БССР) во время советско-польских переговоров 1920–1921 гг. (рижский этап). Авторами было введено в научный оборот значительное количество архивных материалов, в том числе связанных с внешнеполитической деятельностью правительства В. Ю. Ластовского и БССР (письма А. Г. Червякова к ЦК КП(б)Б во время его нахождения на Рижской мирной конференции) [222].

Наработки Г. Г. Лазько по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг. представлены в рамках научных статей, опубликованных в отечественных и иностранных изданиях. Автором проводится основательный анализ переговоров в Минске (август–сентябрь 1920 г.) и Риге (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.). Советско-польские переговоры рассматриваются в общем фарватере становления белорусского государства, общей политики Советской России по вопросу государственного самоопределения белорусских земель. На основе широкого круга источников автор доказывает, что БССР рассматривалась исключительно как карта дипломатической игры советского правительства в ходе мирных переговоров, как инструмент внешнеполитической линии РСФСР, направленной на реализацию идеи мировой пролетарской революции. Участие представителя ВРК БССР А. Г. Червякова в советско-польских переговорах в Риге сентября–октября 1920 г., по мнению автора [156, s. 43–45], было вызвано необходимостью нейтрализации дипломатических акций Рады Народных Министров БНР, возможностью сближения Польши и деятелей БНР. Автор основной причиной недопуска представителя БССР к советско-польским переговорам в Риге называет только изменения во внешнеполитической линии советского руководства, одновременно не учитывая позиции польской стороны, которая достаточно критично ставилась к идее участия белорусских советских представителей в переговорном процессе [156, s. 41].

Проблематика междугосударственных отношений в восточноевропейском регионе во время польско-советской войны 1919–1920 гг. стала объектом исследования А. В. Тихомирова [273]. Автор, рассматривая советско-польские переговоры в контексте международных отношений Восточной Европы, делает попытку противопоставить формы внешнеполитических акций различных политических групп белорусского национального движения, представить целостную картину становления и развития белорусских земель как самостоятельного субъекта международного права. Автор справедливо оценивает внешнеполитические акции ЛитБел ССР января–апреля 1919 г. как «неудачные попытки использования средств дипломатии», констатируя отсутствие попыток обрести определенное значение в международно-правовых отношениях, «послушность» руководства КП(б) ЛиБ [273, с. 97]. Хотя замечались некоторые попытки руководства ЛитБел ССР отстаивать свое право голоса: так происходило во время направления специальной миссии А. И. Венцовского, когда часть членов КП(б) ЛиБ высту-

пила против принятия польского представителя и любой вероятности переговорного процесса между сторонами. Участие представителей ВРК БССР автор определяет как «достаточно пассивное», подкрепляя это фактом передачи РСФСР 10 сентября 1920 г. мандата на ведение мирных переговоров с Польшей [273, с. 265]. Автор прослеживает взаимосвязь решения финансово-экономических проблем и проблематики ректификации границы, и одновременно работы смешанной пограничной комиссии, но не приводит достаточной доказательной базы для аргументации данного факта [273, с. 310].

Советско-польские переговоры В. Е. Снапковским [246–251] воспринимаются как отдельный эпизод внешнеполитической деятельности белорусских государственных структур. Отчетливо показан факт, что территория Беларуси выступала как объект военной политики и дипломатии Советской России и Польши, не представляла в отмеченный период самостоятельной единицы международного права. Многочисленные усилия политических представителей, которые группировались вокруг идеи «независимости и неделимости Беларуси», сторонников идеи белорусской советской государственности, не могли быть реализованы в полном масштабе в существующей послевоенной геополитической ситуации. При помощи исследований В. Е. Снапковского произошло введение в научный оборот сложнодоступных для белорусских исследователей воспоминаний непосредственных участников мирной конференции польской делегации – Я. Домбского и В. Грабского. Воспоминания опубликованы частично: сосредотачивается внимание на вопросах определения пограничной линии между сторонами, ректификации границы; на основные статьи Прелиминарного мирного договора, касающиеся белорусских земель. Рассмотрена проблема выдачи и последующего использования мандата ВРК БССР на ведение мирных переговоров 10 сентября 1920 г. Основной причиной появления этого документа автор называет внешнеполитические акции деятелей БНР и «легитимную, организационно-политическую слабость ВРК БССР» [249, с. 243].

Современная российская историография представлена работами Г. Ф. Матвеева [185; 403; 404], И. В. Михутиной [189], И. С. Яжборовской [295; 363; 373], Д. А. Коротковой [118], В. А. Зубачевского [91], С. Б. Дронова [82], И. И. Костюшко [119], В. Н. Савченко [241]. Исследование И. В. Михутиной положило начало критического пересмотра основных концепций польско-советской войны 1919–1920 гг. советской историографии. Впервые ставилось под сомнение общепринятая теория миролюбивой политики Советской России. Абсолютизируя теорию мировой пролетарской революции, которой, по мнению автора, были подчинены все основные цели и задачи Советского государства, автор обратила внимание исключительно на освещение военных способов достижения мировой революции, без учета агитационно-пропагандистских методов. И. В. Михутина противопоставляет федералистическую идею бельведерского лагеря Польши федералистической концепции В. И. Ленина по созданию цепи советских государств при общем руководстве и лидерстве РСФСР. Впервые вводятся в научный оборот многочисленные исторические источники, открытые для доступа исключительно российским исследователям.

В современной польской историографии советско-польские переговоры выступают не как самостоятельное политическое, социально-экономическое явление, а как составная часть политической и военной истории, средство манипуляции соперника, агитации, навязывания идей. Наиболее полно в многочисленных исследованиях польской историографии представлена проблематика заключения и сущности Рижского мирного договора. Осмыслению заключительного этапа переговорного процесса посвящены как сборники научных статей [321; 331; 334; 407; 415; 417; 433; 439; 451; 453], так и отдельные монографии [327; 330; 335; 368; 444].

Необходимо выделить направление, которое осуществляет рассмотрение проблематики советско-польских переговоров 1918–1921 гг. путем отображения внутривнутриполитических расхождений, что существовали в Польском государстве между представителями «бельведерского лагеря» и сторонниками идей народных демократов. К этому направлению необходимо отне-

сти исследования К. Гомулко [354–356], В. Матерского [401; 402], В. Балцерака [318], П. Маршалка [400], В. Войдылы [449], Д. Михалюк [406], А. Глаговской [352]. Именно через призму внутривнутриполитической борьбы и происходит раскрытие сущности белорусского вопроса. Белорусское политическое движение рассмотрено как противоречивое, неоднозначное явление. При этом в большинстве случаев процесс внутренней дифференциации белорусского политического центра, столкновения между сторонниками польской ориентации (Наивысшая Рада БНР) и так называемыми «независимыми» (Народная Рада БНР) опускаются. Советско-польские переговоры показаны в рамках двух последних этапов (барановичско-минского, рижского) путем отображения взаимовлияния переговоров на общее внутривнутриполитическое положение Польского государства, на изменения в позициях представителей инкорпорационистской и федералистической концепций к белорусскому вопросу.

Оценка и анализ советско-польских переговоров 1918–1921 гг. в рамках современной польской историографии происходит через осмысление процесса формирования территории Польского государства, в том числе ее восточных границ. К этому направлению в историографии относятся исследования А. Чубинского [335], А. Василевского [444], Г. Доминичека [347], Г. Батовского [320], А. Айненкеля [297, 298], З. Ковальского [376]. В этих работах находят свое отображение этапы формирования восточной границы Польши, которые частично совпадали с этапами советско-польских переговоров. Белорусский вопрос характеризуется как незначительный, который польская сторона рассматривала в период до декабря 1919 г. только в виде автономной части Польского государства. По мнению большинства авторов, граница, установленная в Риге, была менее удачной, чем линия фронта, особенно на северо-восточном участке. Рижский договор положил конец двухлетним военным действиям, ситуации нестабильности на восточной границе.

Вторая попытка в польской историографии (после Ю. Куманецкого) рассмотреть советско-польские переговоры 1918–1921 гг. как целостную систему, на которую оказывало влияние военно-оперативное положение, была сделана Е. Баженским [327; 328]. В соответствии с версией автора, польско-советская война представлена как вынужденная мера, шаг в ответ на агрессию Красной Армии, которая занимала «этнически польские земли» [327, s. 48–49]. Е. Баженский утверждает, что основной причиной раскола белорусского национального движения в середине ноября 1919 г. стало стремление эсеровского большинства к сотрудничеству с Советской Россией, с целью вхождения в будущее коалиционное правительство [327, s. 98–99]. На основе мандата ВРК БССР 16 сентября 1920 г., ошибочно утверждается о стремлениях советской стороны требовать дипломатического представительства БССР в рамках Рижской мирной конференции в противовес акциям «правительства В. Ю. Ластовского» [327, s. 182]. Тем самым автор не обращает внимание на факт выдачи БССР двух мандатов 10 и 16 сентября 1920 г., на многочисленные высказывания Г. В. Чичерина о неготовности БССР к выступлению на международной арене.

Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. с точки зрения истории международных отношений рассматриваются в исследованиях Я. Гмитрука [352], Б. Стачевской [434], П. Ласовского [157; 348; 395; 396], А. Новака [408–411], В. Сулейя [436], П. Патилона [421], И. Кобзинской [367]. По мнению этих авторов, отношения Советской России и Польши находились в тесной взаимосвязи с позицией стран Антанты и США к «польскому» и «русскому» вопросам, особенно сильно чувствовалось влияние Великобритании на советское руководство, Франции на польское правительство в период минских и рижских переговоров. Рижский мирный договор, хоть и определял линию разграничения между сторонами, которая значительно расходилась с представленной линией Керзона, однако он закончил военное противостояние в восточноевропейском регионе, которое продолжалось с 1914 г., стал основой Версальской системы международных отношений.

1.2. Источники исследования

Наиболее полное описание советско-польских переговоров 1918–1921 гг. дано в многочисленных исторических источниках. Группа законодательных источников представлена комплексом постановлений, официальных обращений, заявлений ВЦИК РСФСР, СНК РСФСР, обращенных к Польскому государству, польскому народу или странам Антанты, в которых содержались основы внешнеполитического курса Советского государства. Данная группа характеризуется достаточно хорошей опубликованностью в рамках сборников «Декреты Советской власти» [68], периодического издания «Собрание узаконений» [252; 253]. Законодательные источники польской стороны представлены постановлениями, распоряжениями Совета Министров Польши, Совета обороны государства. Они почти полностью опубликованы и представлены в “*Dzienniku ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*” или в рамках публикации А. Лейн-ванд и Я. Маленды [389].

Группа актовых материалов в основном представлена огромным комплексом дипломатических документов, в виде публично-правовых договоров: соглашения об обмене военнопленными 1919 г., договор о перемирии и прелиминарных условиях мира, окончательный мирный договор 1921 г., которые являлись итогом различных этапов советско-польских переговоров. Документы этой группы опубликованы в сборниках «Документы внешней политики СССР» (тома первый, второй, третий) под эгидой Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР [77–79], «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (тома второй и третий) [80; 81] и в аналогичном польскоязычном сборнике документов [344; 345], публикация которых происходила с конца 1950-х гг. и до конца 1960-х гг., в сборнике “*Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej*”, изданного уже в 1980-я гг. [346]. В 1994 г. по инициативе и при активном участии Института славяноведения и балканистики были подготовлены два тома ранее неопубликованных документов и материалов в рамках «Польско-советской войны 1919–1920» [224; 225]. В сборнике размещены архивные документы частично с РГАСПИ, ГАРФ, РГВА и других хранилищ.

Широко представлены материалы официального делопроизводства: распорядительная документация, информационно-справочные материалы, текущая и дипломатическая переписка, протоколы и стенограммы. Огромный массив информации разнохарактерный, частично опубликован, позволяет проследить процесс принятия той или иной программы мирного урегулирования в регионе, определенной формы решения белорусского вопроса. В рамках материалов официального делопроизводства выделяется группа дипломатических материалов. Тесная связь советско-польских переговоров 1918–1921 гг. с общемировым международным положением, внутренней и внешней политикой Советской России и Польши заставляет исследователей данной темы обратить пристальное внимание на группу дипломатических документов. Ее можно выделить в самостоятельную категорию для исследования, она находит взаимосвязь с группой материалов официального делопроизводства и группой актовых материалов. Протокольный принцип дипломатической переписки позволял сторонам спрятать истинные намерения. Широко представлены личные и вербальные ноты, направленные от имени Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, Министерства иностранных дел Польши, с помощью которых происходило установление дипломатических отношений, делались предложения мирного решения спорных территориальных вопросов, ходатайства о начале мирных переговоров. Выделяется группа памятных записок Г. В. Чичерина, А. А. Иоффе, Я. Сапеги, которые направлялись для подтверждения сделанных ранее заявлений с целью усилить их значение. Меморандумы Рады Народных Министров ВНР представляют авторское видение вопроса истории белорусской государственности, легимности государственных образований на территории Беларуси. Официальные послания направлялись на адрес Парижской мирной конферен-

ции, странам Антанты и США, участникам мирной конференции в Риге. К этой группе необходимо отнести ряд личных писем участников советско-польских переговоров: А. А. Иоффе, Г. В. Чичерина, Я. Домбского, Я. Сапеги, А. Г. Червякова, содержание которых по причине чрезвычайной секретности не могло быть представлено в виде официальных дипломатических документов.

Основные статистические материалы представлены данными, полученными в итоге переписи 1919 г. и обработанные Е. Ромером и В. Студницким. В первую очередь это материалы, которые касались национального и религиозного состава местного населения, вопросов хозяйственной жизни края. Сложности при верификации этой группы источников требуют перед использованием статистических данных уточнения и перепроверки. Нельзя не обратить внимания на источники личного происхождения, составленные в большинстве своем после польско-советской войны 1919–1920 гг. Некоторые деятели оставили свидетельства в форме дневниковых записей (диариушей): М. С. Коссаковского [374–375; 419], А. Луцкевича [176; 177], содержание которых частично опубликовано. «Диариуш» М. С. Коссаковского – чрезвычайно информативный, а по отдельным аспектам уникальный источник по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг. (беловежско-микошевичский, барановичско-минский этапы). Положительной стороной названного источника является подача информации в ежедневном варианте, что дает исследователям возможность восстановить хронологические рамки описываемого события, выявить эволюцию взглядов автора по вопросу польской политики на «восточных кресах». К этой группе относятся воспоминания участников: Ю. Ю. Мархлевского [398], М. Ратая [423], Е. Осмоловского [322], Э. Войниловича [445], С. Грабского [361], И. Бернера [386], Л. Фишера [379], В. Витоса [448], М. Обезерского [377; 414], А. И. Цвикевича [58], И. Падеревского [416], Э. Ромера [426], которые позволяют не только реконструировать хронологию событий, но и сам дух эпохи. С другой стороны, субъективный характер этой группы источников требует вдумчивого отношения и критического использования.

Материалы периодической печати – совокупность изданий, которые выходили в определенные отрезки времени, выступали в качестве самостоятельных (независимых) информационных площадок или печатного органа того или иного партийного образования, управляющей структуры. Обращалось внимание на официальные советско-польские переговоры 1918–1921 гг., не затрагивая неофициальный формат и процесс обмена нотами. Во время написания монографии было проведено изучение ряда периодических изданий, которые выходили на оккупированной территории Беларуси в 1918–1921 гг. («Беларускае слова», «Беларуская думка», «Беларускія ведамасці», «Беларусь», «Звон», «Руць», «Echo Grodzieńskie»), советских газет («Звезда», «Савецкая Беларусь», «Міст»), а также различных иностранных изданий («Воля России», «Голос России», «Сегодня», «Gazeta Warszawska», «Kurjer Poranny», «Robotnik», «Temps»). Материалы, помещенные в этих изданиях, могут не только уточнить данные, но и получить более полную картину при реконструкции событий того времени и ответить на некоторые, до этого времени неразрешенные вопросы. Большинство этих изданий (особенно польскоязычных) сохранилось частично, что создает значительные сложности при попытке их объективного и критического анализа.

Из рассмотрения историографии видно, что существует ряд вопросов советско-польских переговоров 1918–1921 гг., которые до этого времени или вообще не поднимались, или исследовались в недостаточном размере. Белорусский вопрос во время неофициальных и официальных советско-польских переговоров 1918–1921 гг., как отдельный предмет исследования до этого времени не поднимался в отечественной и иностранной историографии. Незаработанной проблемой остаются неофициальные переговоры сторон на беловежско-микошевичском этапе (июнь-декабрь 1919 г.), частично затронут историками борисовский этап переговоров (декабрь 1919 г. – июнь 1920 г.), полностью не разработан второй этап рижских переговоров (ноябрь

1920 г. – март 1921 г.). Незученным остается вопрос периодизации советско-польских переговоров, так как существует проблема определения начальной точки отсчета. Поэтому описание событий чаще начинается с декабря 1919 г. Спорным аспектом является интерпретация содержания и итогов Рижского мирного договора: каждой стороной этот документ воспринимается с точки зрения историографической парадигмы, соответствующей пространству и времени. Остается невыясненным вопрос ректификации линии разграничения, деятельности и функционирования смешанной пограничной и военной согласительной комиссии. Также не изучена проблематика, связанная с созданием и существованием нейтральной зоны; до конца не определено влияние белорусских национальных сил и организаций с «краевой» идеологией на ход советско-польских переговоров, особенно на их последнем этапе. Раскрытие сущности белорусского вопроса чаще всего происходит путем противопоставления государственных альтернатив, представленных БССР и БНР, вариант их взаимосотрудничества не рассматривался. Сложной по своим научным оценкам остается проблематика, связанная с военными действиями отрядов С. Н. Булак-Балаховича и сил Красной Армии, с событиями Слуцкого вооруженного выступления.

Значительная часть источников по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг. опубликована и введена в научный оборот. Однако, к сожалению, исследователи не имеют широкого доступа к архивным материалам ряда хранилищ Российской Федерации (например, Архива внешней политики). Требуют более глубокого изучения и публикации материалы личного происхождения, такие как «Диариуш» М. С. Коссаковского и воспоминания Е. Осмоловского. Многие источники (особенно периодическая печать) находятся на грани уничтожения, требуют перевода в электронный вид. Накладывает отпечаток специфика дипломатических документов, наблюдается частичное расхождение содержания официальных документов с неофициальными формами взаимоотношений. Только комплексный анализ источников позволит пополнить фактологическую базу по проблеме. К этому моменту неизвестным остается местонахождение части протоколов заседаний рабочих комиссий польско-российско-украинской мирной конференции в Риге, особенно территориальной комиссии. Проведенный историографический и источниковедческий анализ показывает, что формирование целостной системы советско-польских переговоров 1918–1921 гг. в советской и постсоветской историографии сталкивалось с проблемами недостаточной обеспеченностью архивным материалом, по причине его секретности и сложноступности для исследователей, до конца оставалась неизученной белорусская проблематика на отдельных этапах советско-польских переговоров.

Глава 2

Белорусский вопрос в рамках неофициальных и официальных советско-польских переговоров: ноябрь 1918 г. – сентябрь 1920 г

2.1. Политика советской и польской сторон в отношении белорусских земель на начальном этапе советско-польских переговоров (ноябрь 1918 г. – май 1919 г.)

Позиция Польского государства в отношении белорусских земель формировалась под влиянием идеи возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г. Однако существовали различные подходы по ее реализации. Так, представители федералистического лагеря белорусский вопрос оценивали только с позиций возможности использования его в деле борьбы за восстановление Речи Посполитой. Наилучшим вариантом будущего развития земель Беларуси и Литвы, по их мнению, являлось возрождение Речи Посполитой на принципах федерации при доминировании польской культуры [120, с. 152–153].

Идейные вдохновители и сторонники инкорпорационистской концепции высказывались против привлечения белорусов и представителей других наций бывшего Великого княжества Литовского к совместной борьбе с Советской Россией путем обещаний создать новую Реч Посполитую на основе добровольной федерации [391, с. 78–80]. Будущее Польское государство желали видеть унитарным, а ее граждан – сознательными носителями именно польской культуры. Согласно этой концепции, ту часть белорусских земель, которую Польша сможет оторвать от России, необходимо было включить в состав Польского государства на основе инкорпорации, а ее жителей-белорусов ждала полная асимилиция поляками [187, с. 4; 110, л. 102].

На беловежско-микошевичском этапе советско-польских переговоров (июль-декабрь 1919 г.) представители партии народных демократов рассматривали советские мирные предложения исключительно как проявление пропаганды, которая ставит своей целью распространить коммунизм на территорию Западной Европы. Вероятность начала мирных переговоров рассматривали только в случае освобождения литовских и белорусских земель от войск Красной Армии, а также в случае полного отказа советской стороной от революционных лозунгов. В деле советско-польского урегулирования члены партии эндеков настаивали на привлечении представителей стран Антанты. В случае проведения Польшей самостоятельной внешней политики, она может оказаться в положении борьбы на два фронта: против Германии и Советской России. Выступали против реализации идеи создания литовско-белорусского государства в границах бывшего Великого княжества Литовского. Они считали, что литовцы могут получить государственное самоопределение только в границах своей этнографической территории. Однако, эндеки не исключали возможность установления союзных польско-литовских отношений. К сожалению, белорусы, по версии представителей отмеченной политической партии, находились еще на стадии государствообразующего формирования, их потенциал будет реализован в будущем. Как активные противники федералистической концепции бельведерского лагеря, эндеки выступали категорически против воззвания Ю. Пилсудского от 22 апреля 1919 г. и Виленской операции в целом. Правда, военные успехи польского войска несколько изменили их отношение: резко негативные оценки восточной политики Польши уступили место индифферентному поведению. Такая политическая линия, к сожалению, не касалась

деятельности Генерального комиссариата восточных земель, созданного в мае 1919 г., и личности Ю. Осмоловского. После достижения польскими войсками линии р. Двина – р. Березина, они фактически подошли к линии 1772 г., эндеки одни из первых подняли, как на заседаниях сейма, так и страницах периодической печати, вопрос необходимости дальнейшего продвижения на восток. Они считали, что наступательные военные операции Польши должны полностью согласовываться с позицией стран Антанты и США. Так, известный представитель партии народных демократов В. Козицкий считал, что Польша может вести только оборонительную войну [377, s. 12–18].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.